

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИИ

DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01

ЕВРОАЗИАТСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КОРИДОР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

Рязанцев С.В.^{1,2}

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Письменная Е.Е.*^{1,3}

доктор социологических наук, доцент

Воробьева О.Д.¹

доктор экономических наук, профессор

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Российская Федерация, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

² МГИМО (Университет) МИД России
(119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76)

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49)

*riazan@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к понятиям «миграционная система» и «миграционный коридор», обсуждаемым в зарубежной и российской научной литературе. Рассматриваются ключевые теории и исследования миграционных систем в современной отечественной и зарубежной науке. В данном контексте также развивается определение и содержание понятия «миграционный коридор» как формы устойчивых миграционных связей между посылающими и принимающими странами. Теоретически обоснован и статистически описан Евроазиатский миграционный коридор как часть Евразийской миграционной подсистемы. Также отмечается, что на постсоветском пространстве сформировались Славянский и Кавказский миграционные коридоры. Отмечается, что Евроазиатский миграционный коридор сформировался на основе устойчивых миграционных потоков между странами Центральной Азии и Российской Федерацией, которые характеризуются масштабными потоками трудовых и учебных мигрантов в пользу России и значительными объемами денежных переводов в пользу посылающих мигрантов стран. В миграционных потоках, составляющих Евроазиатский миграционный коридор, преобладают временные формы миграции, прежде всего, трудовая и образовательная. Даны оценки ключевых миграционных каналов Евроазиатского миграционного коридора с точки зрения участия граждан пяти стран Центральной Азии — Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Отмечены особенности трансформации временных форм миграции в миграцию на постоянное место жительства в России и участие в них граждан стран региона. Выделены позитивные и негативные стороны трудовой миграции из Центральной Азии в Россию для посылающих стран региона.

Ключевые слова: миграция, теория миграционной системы, мировая миграционная система, Евразийская миграционная подсистема, Евроазиатский миграционный коридор, Центральная Азия, Россия, трудовые мигранты, образовательные мигранты.

© Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Воробьева О.Д. [текст], 2020.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (грант № 17-33-00059-ОГН-МОЛ-А1).

Теоретический подход

Системный подход к интерпретации сущности и многообразия миграционных потоков, как правило, применяет теорию миграционных систем, разработанную в начале 1990-х гг. американскими учеными М. Критц, Л. Лим, Х. Злотник [1; 2]. В их интерпретации миграционной системой является группа стран, между которыми существуют относительно масштабные, интенсивные и устойчивые миграционные связи. Устойчивость миграционных связей в системе может определяться и историческими причинами, а также взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене населением, которая обуславливает появление и сохранение миграционного коридора определенной направленности. Развитие и глубокое рассмотрение в последние два десятилетия проблемы формирования миграционных систем получили в работах некоторых других авторов.

В развитие концепции миграционных систем И.В. Ивахнюк обосновано авторское определение понятия «миграционная система» как группа стран, связанных между собой относительно масштабными и устойчивыми миграционными потоками, которые являются результатом действия исторических, культурных, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков

и придающим этим потокам устойчивость [3].

Однако эта позиция дискусируется. А.В. Топилин и ряд других специалистов придерживаются точки зрения о функционировании мировой миграционной системы, в рамках которой сложились отдельные региональные подсистемы, для которых характерны более устойчивые и интенсивные миграционные коридоры, по которым осуществляются миграционные связи регионов-партнеров [4].

Примером такой подсистемы является Евразийская подсистема, которую образовала группа стран постсоветского пространства, связанных между собой интенсивными миграционными потоками, главным образом, трудовой миграции. Они обусловлены взаимодействием ряда объективных факторов — географических, исторических, экономических, политических, демографических.

Межпарламентской ассамблеей стран СНГ с участием экспертного сообщества (например, О.Д. Воробьева, А.В. Топилин) в начале 2010-х гг. предпринималась попытка разработки единой миграционной политики для стран этого региона. Однако документа, содержащего концепцию единой миграционной политики для этого интеграционного сообщества, окончательно разработано не было.

Ученые-политологи миграционным коридором также называют территориальную область, промежуток, находящийся между государственными границами и служащий

буферной зоной для пересечения страновых пределов [5].

По нашему мнению, «миграционный коридор» представляет собой устойчивую социально-экономическую конструкцию, которая выражается в устойчиво сложившихся миграционных потоках между странами. Миграционные потоки могут быть многообразными, но как правило, они стимулируют развитие экономик обеих стран, способствуют социально-экономическому обмену населения, культурному обогащению обществ. В условиях нормальных политических и экономических отношений миграционный коридор представляет собой, по выражению А.В. Топилина, «дорогу с двухсторонним движением» [4]. В своей время это также отмечал в своих 12 правилах Е. Равенштейн: «Любому миграционному потоку соответствует миграционный контрпоток». Конечно, в условиях существенного различия экономических потенциалов между странами потоки могут быть взаимно не сопоставимы по масштабам.

Важное значение в миграционных потоках занимает миграция по экономическим мотивам, прежде всего, трудовая миграция. По мнению В.А. Ионцева, на экономические формы миграции приходится около 90% всех миграционных потоков в мировой миграционной системе. По оценкам МОМ, численность трудящихся-мигрантов в мире составляет более 150 млн. человек, или около 2/3 общей численности международных мигрантов [6].

Согласно подходу МОМ: «Трудовая миграция — перемещение лиц из одного государства в другое или в пределах своей страны проживания с целью трудоустройства». [7]. В соответствии с определением мигранта трудовая миграция определяется как охватывающая мигрантов, и перемещающихся внутри страны, и через международные границы. Трудовая миграция соединяет два типа государств — посылающие (отправляющие) и принимающие трудящихся-мигрантов. Как правило, они имеют значительную степень дифференциации социально-экономических и демографических параметров. Именно «разрыв» в этих параметрах и служит причиной формирования территориального «перетока» трудовых ресурсов между странами и регионами.

Необходимо отметить, что международной трудовой миграции в контексте мирового рынка труда посвящено большое количество исследований и публикаций. Значительное внимание международные организации и научные структуры уделяют рассмотрению проблем перераспределения трудовых ресурсов и человеческого капитала между странами, разработке «механизма более полной и справедливой компенсации» развивающимся странам эмиграции со стороны развитых стран иммиграции за использование иностранной рабочей силы и, в первую очередь, высококвалифицированных кадров, положению трудящихся-мигрантов, разработке теоретических подходов и оптимизации механизмов принятия управленче-

ских решений в сфере трудовой миграции.

Среди международных организаций наиболее активно данные направления изучают МОМ, МОТ, Всемирный банк, Программа развития ООН, ЭСКАТО [8; 9].

В России это работы Ионцева В.А., Воробьевой О.Д., Гребенюка А.А., Красинца Е.С., Мигранян А.А., Осадчей Г.И., Рыбаковского Л.Л., Рязанцева С.В., Ткаченко М.Ф., Топилина А.В. [10; 11; 12; 13; 14].

Однако в рамках Евразийского региона комплексного подхода к исследованиям современных устойчивых миграционных связей, наиболее сложившихся коридоров движения трудовой миграции в контексте последствий и актуальных адекватных научно-обоснованных управленческих решений до настоящего времени не осуществлялось.

Определение и масштабы Евроазиатского миграционного коридора

Страны Центральной Азии стали в последние десятилетия крупными миграционными донорами для Российской Федерации. Сформировался один из крупнейших регионов не только в Евразийской миграционной подсистеме, но и во всем мире. По мнению Рязанцева С.В., миграционный коридор, сложившийся между странами Центральной Азии и Российской Федерацией, является одним из самых крупных и устойчивых в Евразии и мире.

Основным миграционным потоком в этом миграционном коридоре

является трудовая миграция, в которой участвуют от 2,7 до 4,2 млн. человек, что составляет от 10 до 16% экономически активного населения Центральной Азии. Это не только значительные масштабы миграции, но и серьезные политические, социально-экономические и демографические последствия и для стран происхождения мигрантов, и для принимающих их государств. По данным Всемирного банка, Таджикистан и Киргизия заняли первое и второе места в мировом рейтинге стран по доле денежных переводов в ВВП с показателями, соответственно, 52 и 31% [15].

С полным основанием Евроазиатским миграционным коридором можно назвать устойчивые миграционные потоки, сформировавшиеся между странами Центральной Азии и Российской Федерацией, которые сопровождаются значительными объемами денежных переводов в пользу посылающих мигрантов стран.

В миграционных потоках, составляющих Евроазиатский миграционный коридор, преобладают временные формы миграции, прежде всего трудовая. Общая численность мигрантов в Евразийском миграционном коридоре может быть дана на основе суммарной численности мигрантов — граждан стран Центральной Азии, зарегистрированных в России по месту жительства и месту пребывания, которая в 2019 г. составила 9,6 млн. человек (260 тыс. и 9,3 млн. человек соответственно). Наибольшая численность приходится на граждан Узбе-

кистана — 4,8 млн. (66 тыс. и 4739 тыс.), Таджикистана — 2,8 млн. (102 тыс. и 2653 тыс.), Киргизстана — 1,1 млн. (16 тыс. и 1039 тыс.), Казахстана — 831 тыс. (69 тыс. и 762 тыс.), Туркменистана — 126 тыс. (4 тыс. и 122 тыс.).

Можно утверждать с полным основанием, что Евроазиатский миграционный коридор является в настоящее время одним из крупнейших в мировом масштабе, наряду с такими миграционными коридорами, как Ближневосточный (из Ирака и Сирия — в Ливан и Турцию), Южно-Азиатско-Ближневосточный (из Индии и Бангладеш — в страны Персидского залива), Юго-Восточноазиатский (из Мьянмы, Лаоса и Камбоджи — в Таиланд), Восточно-европейско-Южно-европейский (из Румынии, Молдавии и Украины — в Италию, Испанию, Грецию и Португалию), Латиноамериканско-Североамериканский (из стран Латинской Америки в США и Канаду).

В регионе бывшего СССР можно говорить о формировании таких миграционных как коридоров: Кавказский (между странами Южного Кавказа и Россией), Славянского (между Украиной, Молдовой, Беларусью с Россией), Евроазиатского (между странами Центральной Азии и Россией).

Данные миграционные коридоры имеют не только внушительные масштабы, но и сопровождаются значительными социально-экономическими и геополитическими процессами в своем развитии.

Трудовая миграция как основа Евроазиатского миграционного коридора

Трансформации масштабов и структуры процессов трудовой миграции в Евразийской миграционной подсистеме связаны с эволюцией глобального, регионального и национальных рынков труда. В условиях данных изменений сформировались устойчивые коридоры трудовой миграции, которые сложились между странами донорами и реципиентами трудящихся-мигрантов. Функционирование коридоров трудовой миграции, с одной стороны, обусловлено объективными экономическими и демографическими факторами, а с другой стороны, зависит от межгосударственных договоров и соглашений, которые регламентируют «переток» трудовых ресурсов между странами.

Динамика трудовой миграции требует постоянной корректировки управленческих решений, которые минимизируют возникающие угрозы и риски для всех партнеров — участников рынка рабочей силы. В задачи скоординированной миграционной политики входит разработка оптимальных механизмов регулирования трудовых миграционных связей на основе анализа и прогноза экономических, финансовых, социальных, демографических, политических и иных тенденций и последствий миграционных процессов. Устойчивые миграционные связи обеспечивают функционирование национальных рынков труда в Евразийском пространстве, но они носят стихийный,

слабо регулируемый характер. Не используются механизмы, которые позволяют оптимально балансировать спрос и предложение рабочей силы в условиях глобализации экономики. Это препятствует минимизации социально-экономических и политических издержек, которые несут как принимающие страны, так и страны, располагающие относительно избытками трудовых ресурсов, и предопределяет поиск оптимальных подходов и социально-экономических решений как чрезвычайно актуальный.

Важное значение имеет изучение опыта отдельных стран, принимающих трудовых мигрантов, а также интеграционных группировок, что позволит выявить, разработать и предложить наиболее актуальные механизмы и инструменты регулирования трудовой миграции для стран — участников общего рынка труда в Евразийском пространстве.

Основу в миграционном коридоре составляют трудовые мигранты, которые выходят на достаточно емкий российский рынок труда: в 2019 году было зафиксировано около 3,9

млн. человеко-регистраций в России граждан стран Центральной Азии по месту пребывания с целью осуществления трудовой деятельности. Большинство из них приходилось на граждан Узбекистана — 2,1 млн., Таджикистана — 1,2 млн. и Киргизстана — 450 тыс. регистраций. В 2019 г. было выдано 1,6 млн. патентов гражданам стран Центральной Азии, в том числе гражданам Узбекистана — 1,1 млн. и 530 тыс. — гражданам Таджикистана. Российские работодатели отправили в Главное управление по делам миграции МВД России 1460 тыс. уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами (табл. 1).

На основе сопоставления данных источников нами была рассчитана примерная численность undocumented трудовых мигрантов из Центральной Азии на российском рынке труда — 2,4 млн. человек. Именно столько трудящихся мигрантов зарегистрировались по месту пребывания, но, скорее всего, не подписали трудовых договоров с работодателями.

Таблица 1

Масштабы и структура миграционных потоков из стран Центральной Азии в Россию, человек

Table 1

Scale and Structure of Migration from Central Asia to Russia, numbers of people

Виды миграции	Общая численность мигрантов	в том числе мигранты из стран Центральной Азии
МИГРАЦИЯ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА		
Иностранцы граждане, зарегистрированные по месту жительства в России	606 279 (2017 г.) 567 300 (2019 г.)	Страны ЦА — 236 516 (2017 г.) Страны ЦА — 257 458, в том числе Казахстан — 69 188; Киргизстан — 16 084; Таджикистан — 102 048; Туркменистан — 4 233; Узбекистан — 65 905 (2019 г.)

**ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИИ /
DEMOGRAPHY AND MIGRATION PROBLEMS**

Виды миграции	Общая численность мигрантов	в том числе мигранты из стран Центральной Азии
Разрешения на временное проживание (РВП) в России, выданные иностранным гражданам	304 131 (2017 г.) 244 691 (2019 г.)	Страны ЦА — 164 245 (2017 г.) Страны ЦА — 129 389, в том числе Казахстан — 48 901; Киргизстан — 7 638; Таджикистан — 46 004; Туркменистан — 1 824; Узбекистан — 25 022 (2019 г.)
Иностранные граждане, проживающие в России на основе РВП	569 215 (на 1.01.2018 г.) 419 555 (на 01.01.2020 г.)	Страны ЦА — 215 615 (на 01.01.2018 г.) Страны ЦА — 182 860, в том числе Казахстан — 51 030; Киргизстан — 11 660; Таджикистан — 63 990; Туркменистан — 2 357; Узбекистан — 53 823 (на 01.01.2020 г.)
Виды на жительство (ВНЖ), выданные иностранным гражданам в России	181 536 (2017 г.) 184 362 (2019 г.)	Страны ЦА — 57 728 (2017 г.) Страны ЦА — 72 031, в том числе Казахстан — 14 450; Киргизстан — 5 086; Таджикистан — 29 635; Туркменистан — 1 972; Узбекистан — 20 888 (2019 г.)
Иностранные граждане, живущие в России с ВНЖ	570 651 (на 1.01.2018 г.) 626 501 (на 01.01.2020 г.)	Страны ЦА — 185 008 (на 1.01.2018 г.) Страны ЦА — 214 942, в том числе Казахстан — 35 328; Киргизстан — 12 965; Таджикистан — 80 232; Туркменистан — 4 793; Узбекистан — 81 624 (на 01.01.2020 г.)
Иностранные граждане, получившие российское гражданство	257 822 (2017 г.) 497 817 (2019 г.)	Страны ЦА — 102 597 (2017 г.) Страны ЦА — 125 319, в том числе Казахстан — 50 492; Киргизстан — 9 371; Таджикистан — 44 707; Туркменистан — 1 361; Узбекистан — 19 388 (2019 г.)
ВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ		
Российских виз, оформленных иностранным гражданам	348 458 (2019 г.)	Страны ЦА — 44 801, в том числе Туркменистан — 44 801 (2019 г.)
Иностранные граждане, поставленные на учет по месту пребывания в России	15 103 948 (2017 г.) 18 951 004 (2019 г.)	Страны ЦА — 7 493 645 (2017 г.) Страны ЦА — 9 315 906, в том числе Казахстан — 762 028; Киргизстан — 1 039 374; Таджикистан — 2 652 867; Туркменистан — 121 848; Узбекистан — 4 739 789 (2019 г.)
Иностранные граждане, поставленные на учет по месту пребывания в России впервые	13 863 521 (2019 г.)	Страны ЦА — 5 396 597, в том числе Казахстан — 560 067; Киргизстан — 583 717; Таджикистан — 1 585 146; Туркменистан — 83 460; Узбекистан — 2 584 207 (2019 г.)
ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ		
Беженцы	572 (на 01.01. 2019 г.)	Страны ЦА — 30, в том числе Казахстан — 2; Киргизстан — 3; Таджикистан — 6; Узбекистан — 19 (на 01.01.2019 г.)
Вынужденные переселенцы	9 485 (на 01.01.2019 г.)	Страны ЦА — 2 837, в том числе Казахстан — 1 575; Киргизстан — 97; Таджикистан — 415; Туркменистан — 41; Узбекистан — 709 (на 01.01.2019 г.)

Виды миграции	Общая численность мигрантов	в том числе мигранты из стран Центральной Азии
Лица, получившие временное убежище	76 825 (на 01.01.2019 г.)	Страны ЦА — 102, в том числе Казахстан — 8; Киргизстан — 17; Таджикистан — 19; Туркменистан — 7; Узбекистан — 51 (на 01.01.2019 г.)
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ		
Иностранцы граждане, зарегистрированные по месту пребывания с целью работы в России	4 854 004 (2017 г.) 5 478 249 (2019 г.)	Страны ЦА — 3 226 701 (2017 г.) Страны ЦА — 3 881 448, в том числе Казахстан — 136 208; Киргизстан — 453 702; Таджикистан — 1 179 423; Туркменистан — 4 813; Узбекистан — 2 107 302 (2019 г.)
Количество разрешений на работу, выданных иностранным гражданам в России	176 875 (2015 г.) 130 100 (2018 г.) 121 800 (2019 г.)	Страны ЦА — 1 688, в том числе Таджикистан — 204; Туркменистан — 965; Узбекистан — 519 (2019 г.)
Количество патентов, выданных иностранным гражданам в России	1 710 159 (2017 г.) 1 671 700 (2018 г.) 2 326 600 (2019 г.)	Страны ЦА — 1 593 113, в том числе Таджикистан — 530 060; Узбекистан — 1 063 053 (2019 г.)
Уведомлений о заключении работодателями трудовых договоров с иностранными гражданами		Страны ЦА — 1 460 889, в том числе Казахстан — 74 302; Кыргызстан — 356 364; Таджикистан — 323 375; Туркменистан — 1 748; Узбекистан — 705 100 (2019 г.)
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ		
Иностранцы граждане, зарегистрированные по месту пребывания с целью учебы в России	449 021 (2017 г.) 681 832 (2019 г.)	Страны ЦА — 177 235 (2017 г.) Страны ЦА — 256 510, в том числе Казахстан — 90 782; Киргизстан — 21 543; Таджикистан — 44 661; Туркменистан — 49 444; Узбекистан — 50 080 (2019 г.)
Иностранцы граждане, обучающиеся в вузах России в 2017/2018 учебном году	256 864 (с 01.09.2017 г. по 31.08.2018 г.)	Страны ЦА — 103 519, в том числе Казахстан — 41 285; Киргизстан — 6 896; Таджикистан — 16 291; Туркмения — 22 093; Узбекистан — 16 954 (с 01.09.2017 г. по 31.08.2018 г.)
ДРУГИЕ ФОРМЫ МИГРАЦИИ		
Иностранцы граждане, зарегистрированные по месту пребывания с целью туризма в России	2 496 250 (2017 г.) 4 187 536 (2019 г.)	Страны ЦА — 58 775 (2017 г.) Страны ЦА — 87 302, в том числе Казахстан — 37 011, Киргизстан — 9 243, Таджикистан — 8 019, Туркмения — 10 994, Узбекистан — 22 035 (2019 г.)
Иностранцы граждане, зарегистрированные по месту пребывания с частной целью в России	2 030 508 (2017 г.) 2 524 118 (2019 г.)	Страны ЦА — 775 249 (2017 г.) Страны ЦА — 1 039 608, в том числе Казахстан — 247 473, Киргизстан — 83 716, Таджикистан — 330 820, Туркмения — 11 463, Узбекистан — 366 136 (2019 г.)

Виды миграции	Общая численность мигрантов	в том числе мигранты из стран Центральной Азии
НЕДОКУМЕНТИРОВАННАЯ МИГРАЦИЯ		
Депортированные мигранты	139 034 (2015 г.)	
Иностранцы граждане, которым закрыт въезд в Россию	198 545 (2018 г.)	
Численность недокументированных трудовых мигрантов (оценка)		2 420 559 (2019 г.)

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/tab-migr4.htm; данные Центра социологических исследований. — Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/files/File/Sbornik_16_15_09_19_ispr-1.pdf; МВД назвало число депортированных из России незаконных мигрантов. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/677555-mvd-nezakonnye-migranty>.

Другие миграционные потоки в Евразийском миграционном коридоре

Трудовая миграция не является единственным миграционным потоком в регионе. *Образовательная миграция* представляет собой еще один значимый поток в Евразийском миграционном коридоре. В 2019 г., по данным МВД в России, были зарегистрированы по месту пребывания с целью учебы 256 тыс. студентов из стран Центральной Азии, в том числе 91 тыс. граждан Казахстана, 50 тыс. граждан Узбекистана, 49 тыс. граждан Туркменистана, 44 тыс. граждан Таджикистана и 22 тыс. граждан Киргизстана. Рост численности образовательных мигрантов из стран региона в России значителен: с 2017 г. их количество возросло на 79 тыс. человек. По данным Министерства науки и высшего образования России, в 2017/2018 учебном году в российских вузах обучались 104 тыс. студентов из стран центрально-азиатского региона, в том числе 42

тыс. казахстанцев, 22 тыс. туркмен-истанцев, 17 тыс. узбекистанцев, 16 тыс. таджикистанцев, 7 тыс. киргизстанцев (см. табл. 1).

Существенные различия в данных статистики МВД и Минобрнауки обусловлены продлением регистрации (повторными регистрациями) значительной части иностранных студентов, которая происходит обычно в сентябре, когда они возвращаются с каникул к месту учебы в России. Студенты из Центральной Азии представляют собой замечательный социально-демографический ресурс с точки зрения пополнения численности населения российских городов и регионов молодыми, образованными, подготовленными к рынку труда специалистами.

Важной частью Евразийского миграционного коридора являются *частные поездки*, на которые приходилось в 2019 г., по данным МВД, около 1 млн. человеко-регистраций граждан стран Центральной Азии в России (см. табл. 1). Большинство частных визитов совершали граждане Узбекистана — 366 тыс., Та-

джикистана — 330 тыс., Казахстана — 247 тыс., Киргизстана — 84 тыс., Туркменистана — 12 тыс. человек. Причина «частная цель» фактически включает комплекс причин, а не только поездку к родственникам или знакомым. Как правило, сюда относятся и коммерческие переговоры, деловые связи и контакты, иногда и некоторые трудовые мигранты указывают данную причину въезда в Россию, сталкиваясь по этой причине со сложностями оформления документов на работу.

А вот *вынужденная миграция* в Евроазиатском миграционном коридоре практически не заметна на фоне других форм миграции. По данным МВД в России, в 2019 г. был предоставлен статус всего 30 беженцам из стран Центральной Азии! Вынужденными переселенцами были признаны 2,8 тыс. человек — по сути, это люди с российскими паспортами! А лиц, которые искали временное убежище в России было 102 человека! Правозащитникам и экспертам совершенно очевидно, что столь низкие цифры количества вынужденных мигрантов отнюдь не означают отсутствия явления вынужденной миграции из Центральной Азии в российском обществе. Множество людей вынуждены выезжать по политическим мотивам из государств региона в поисках убежища в России и странах Запада. Очевидно, что Россия, с одной стороны, не хочет брать на себя экономическую ответственность за вынужденных мигрантов в принципе, а с другой стороны, не желает портить политических отношений со странами-партнерами в центрально-азиатском регионе.

Заключение

Евроазиатский миграционный коридор, сформировавшийся в настоящее время между странами Центральной Азии и Россией, представляет собой устойчивые миграционные связи в рамках Евразийской миграционной подсистемы, входящей в мировую миграционную систему. Его функционирование поддерживает развитие экономики и относительную социально-политическую стабильность в Евразии. Денежные переводы, которые трудящиеся-мигранты отправляют на родину, нивелируют проблему бедности и безработицы, частично способствуют решению местных проблем развития инфраструктуры в странах Центральной Азии.

Однако государственные системы стран региона за годы существования масштабной трудовой миграции практически сняли с себя ответственность за социальную поддержку населения и развитие территорий и населенных пунктов. Кроме того, трудовая миграция имеет значительные социально-демографические издержки для посылающих стран — это дети, растущие без воспитания родителей, разводы, брошенные жены и пр.

Вместе с тем, Россия как основная принимающая страна пока не извлекает полных выгод от функционирования Евроазиатского миграционного коридора. Миграционная политика страны остается достаточно жесткой и неадекватной демографической ситуации. Страна испытывает новую волну депопуляции с 2016 года. И хотя на государственном уровне вроде бы декларируется подход, что миграция должна быть

одним из ресурсов развития, но в самой системе миграционной политики, в ее механизмах и инструментах реализации сохраняется множе-

ство препон для интеграции мигрантов [16], в том числе, мигрантов из стран Центральной Азии — основного региона донора.

Литература и Интернет источники

1. Zlotnik H. Empirical identification of international migration systems // International Migration Systems. A Global Approach. International studies in demography / Ed. by Mary M. Kritz, Lin Lean Lim, H. Zlotnik. — Oxford: Clarendon Press, 1992. — 354 p.
2. Kupiszewski M., Bijak J., Kicing A. The Use of International Migration Theories in Migration Forecasting — A Practical Approach. // International Migration and the Future of Populations and Labour in Europe. / Ed. by Kupiszewski M. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis. — Vol 32. — Dordrecht, Springer. — DOI https://doi.org/10.1007/978-90-481-8948-9_3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-90-481-8948-9_3
3. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография). — М., 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1274/file/ivakhnyuk_iv.pdf.
4. Топилин А.В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. — М.: Экон-Информ, 2020. — 479 с.
5. Шегав И. С., Полозов А. Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. — М.: Перо, 2015. — 242 с.
6. World Migration Report 2018. Chapter 2. — IOM: Geneva, 2017. — P. 16. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/sriaz/Desktop/wmr_2018_en_chapter2.pdf
7. Key Migration Terms [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iom.int/key-migration-terms#Migration>
8. Ryazantsev S. The Role of Labour Migration in the Development of the Economy of the Russian Federation. Facilitating Migration Management in North and Central Asia. Working Paper № 1. — Bangkok: ESCAP, 2016. — 82 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unescap.org/sites/default/files/1%20Role%20of%20Labour%20Eng%20report%20v3-2-E.pdf>
9. Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia. Central Asia Human Development Series. — Istanbul: United Nations Development Programme Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States, 2015. — 69 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaperFINAL.pdf>
10. Рязанцев С.В., Красинец Е.С. Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 5. — С. 5–14.
11. Ткаченко М.Ф., Мигранян А.А. Страны — экспортеры рабочей силы в Россию: миграционные стратегии // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2016. — Т. 1. — № 4. — С. 213-226. — DOI: 10.18334/migration.1.4.38091
12. Гребенюк А.А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2016. — Т. 1. — № 1. — С. 17-38. — DOI: 10.18334/migration.1.1.38078
13. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Мукомель В.И. и др. Политика интеграции // Миграция населения: теория, политика: Учебное пособие / Под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. — М.: Экономическое образование, 2012. — С. 204-235.
14. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Трудовая миграция как потенциал роста населения России // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 58-67.
15. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Россия в глобальной политике. Валдайские записки. 31.08.2016. [Электронный

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Воробьева О.Д. Евразийский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики

ресурс]. — Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/>

16. Рязанцев С. В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. — 2018. — № 1. — С. 105-111. — DOI: 10.7868/S0132162518010117

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена на основе материалов исследования, выполненного за счет средств гранта РФФИ № 17-33-00059-ОГН-МОЛ-А1.

Для цитирования:

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Воробьева О.Д. Евразийский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2020. — № 3-4. — С. 5-18. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии, истории и философии Финансового университет при Правительстве РФ, главный научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: nikitaR@list.ru

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru

DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01

EURASIAN MIGRATION CORRIDOR: THEORETICAL ASPECTS, SCALE ESTIMATES, AND KEY FEATURES

Sergey V. Ryazantsev *^{1,2}

RAS Corresponding Member, Dr. Sc. (Econ.), Prof.

Elena E. Pismennaya ^{1,3}

Dr. Sc. (Sociology)

Ol'ga D. Vorob'eva ¹

Dr. Sc. (Econ.), Prof.

¹ Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS
(6, bldg. 1, Fotievoy St., Moscow, Russia, 119333)

² MGIMO-University
(76 Vernadskogo Prospekt, Moscow, Russia, 119454)

³ Financial University under Governmental of Russia
(51/1 Leningradskiy Prospekt, Moscow, Russia, 125993)

*riazan@mail.ru

SCIENTIFIC REVIEW. SERIES 1. ECONOMICS AND LAW.

ISSN 2076-4650

2020. No. 3-4, June, August

Abstract. The article discusses theoretical approaches to the concept of «migration system» and migration corridor, discussed in foreign and Russian scientific literature. Key theories and studies of migration systems in modern domestic and foreign science are considered. In this context, the definition and content of the concept of «migration corridor» as a form of sustainable migration links between sending and receiving countries is also being developed. The Eurasian migration corridor as a part of the Eurasian migration subsystem is theoretically justified and statistically described. It is also noted that the Slavic and Caucasian migration corridors have been formed in the post-Soviet space. It is noted that the Euro-Asian migration corridor was formed on the basis of stable migration flows between the Central Asian countries and the Russian Federation, which are characterized by large-scale flows of labor and educational migrants in favor of Russia and significant amounts of money transfers in favor of sending countries. The migration flows that make up the Euro-Asian migration corridor are dominated by temporary forms of migration, primarily labor and educational. The key migration channels of the Euro-Asian migration corridor are assessed in terms of participation of citizens of five Central Asian countries — Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The article highlights the peculiarities of the transformation of temporary forms of migration into permanent residence in Russia and the participation of citizens of the region in them. The positive and negative aspects of labor migration from Central Asia to Russia for sending countries in the region are highlighted.

Keywords: migration, migration system theory, world migration system, Eurasian migration subsystem, Eurasian migration corridor, Central Asia, Russia, labor migrants, educational migrants.

References and Internet sources

1. Zlotnik H. Empirical identification of international migration systems. *International Migration Systems. A Global Approach. International studies in demography* / Ed. by Mary M. Kritz, Lin Lean Lim, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon Press, 1992. 354 p.
2. Kupiszewski M., Bijak J., Kicinger A. The Use of International Migration Theories in Migration Forecasting — A Practical Approach. *International Migration and the Future of Populations and Labour in Europe.* / Ed. by Kupiszewski M. *The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis.* Vol. 32. Dordrecht, Springer. DOI https://doi.org/10.1007/978-90-481-8948-9_3 [Electronic resource]. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-90-481-8948-9_3
3. Ivakhnyuk I.V. *The formation and functioning of the Eurasian migration system.* Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences. Specialty 08.00.05. Economics and national economy management (population economics and demography). Moscow, 2008. [Electronic resource]. Available at: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1274/file/ivakhnyuk_iv.pdf. (in Russ.)
4. Topilin A.V. *Population migration and the formation of labor resources in the USSR and in the post-Soviet space: trends and regulation.* Moscow, 2020. 479 p. (in Russ.)
5. Shegaev I. S., Polozov A. G. *The latest political science glossary: main categories, concepts, terms.* Moscow, 2015. 242 p. (in Russ.)
6. World Migration Report 2018. Chapter 2. IOM: Geneva, 2017. P. 16. [Electronic resource]. Available at: file:///C:/Users/sriaz/Desktop/wmr_2018_en_chapter2.pdf
7. Key Migration Terms [Electronic resource]. Available at: <https://www.iom.int/key-migration-terms#Migration>
8. Ryazantsev S. The Role of Labour Migration in the Development of the Economy of the Russian Federation. *Facilitating Migration Management in North and Central Asia. Working Paper № 1.* Bangkok: ESCAP, 2016. 82 p. [Electronic resource]. Available at: <https://www.unescap.org/sites/default/files/1%20Role%20of%20Labour%20Eng%20report%20v3-2-E.pdf>
9. Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia. Central Asia Human Development Series. Istanbul: United Nations Development Programme Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States, 2015. 69 p. [Electronic resource]. Available at: <https://www.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaperFINAL.pdf>

10. Ryazantsev S.V., Krasinets Evgeniy.S. Current trends and economic effects of labour migration from Central Asia to Russia *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2016. No. 5. P. 5–14. (in Russ.)
11. Tkachenko M.F., Migranyan A.A. Countries — exporters of labor to Russia: migration strategies. *Migration and socio-economic development*. 2016. Vol. 1. No. 4. P. 213-226. DOI: 10.18334/migration.1.4.38091 (in Russ.)
12. Grebenyuk A.A. Theoretical approaches to the study of international labor migration. *Migration and socio-economic development*. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 17-38. DOI: 10.18334/migration.1.1.38078 (in Russ.)
13. Vorobyova O.D., Topilin A.V., Mukomel V.I. et al. Integration policy. *Migration: Theory, Politics: Textbook / Ed. O.D. Vorobevoy, A.V. Topilina*. Moscow: Economic Education, 2012. P. 204-235. (in Russ.)
14. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Labor migration as a growth potential of the population of Russia. *Population*. 2018. . Vol. 21, No. 4. P. 58-67. (in Russ.)
15. Ryazantsev S.V. Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis. *Russia in global politics. Valdai notes*. 31.08.2016. [Electronic resource]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/> (in Russ.)
16. Ryazantsev S. V. Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy. *Sociological Studies*. 2018. No. 1. P. 105-111. — DOI: 10.7868/S0132162518010117 (in Russ.)

Acknowledgments and funding: The article was prepared with the financial support of the RFBR, Grant No. 17-33-00059-ОГН-МОЛ-А1.

For citation:

Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Vorob'eva O.D. The Euro-Asian migration corridor: theoretical aspects, assess the magnitude and key characteristics. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2020. No. 3-4. P. 5-18. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01. (in Russ.)

Information about the author(s):

Ryazantsev Sergey Vasil'evich, Dr. Sc. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member, Russia; Director, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia; of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO-University, Moscow.

Ryazantsev Sergey Vasil'evich, Dr. Sc. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member, Russia; Director, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO-University, Moscow. *Contact information:* e-mail: riazan@mail.ru

Pismennaya Elena Evgenievna, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of sociology, history and philosophy at Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief researcher, Center of social demography, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia. *Contact information:* e-mail: nikitaR@list.ru

Vorob'yova Olga Dmitrievna, Dr. Sc. (Econ.), Prof., Chief researcher of the Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia. *Contact information:* e-mail: 89166130069@mail.ru